

А.П. Чапыгин

Гулящие люди

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.П. Чапыгин

А11 Гулящие люди / А.П. Чапыгин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 536 с.

ISBN 978-5-4241-1812-8

В романе "Гулящие люди" отражены события, предшествовавшие крестьянскому восстанию под руководством Степана Разина. Заканчивается книга эпизодами разгрома восстания после гибели Разина. В центре романа - судьба Сеньки, стрелецкого сына, бунтаря и народного "водителя". Главный объект изображения - народ, поднявшийся на борьбу за волю, могучая сила освободительной народной стихии. Писатель точно, с большим знанием дела описал Москву последних допетровских десятилетий.

ISBN 978-5-4241-1812-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.П. Чапыгин, 2021

Алексей Павлович Чапыгин
Гулящие люди

Предисловие

Алексей Павлович Чапыгин вошел в литературу в бурные годы первой русской революции. Вошел не юношей, не литературным мальчиком, за ним стоял громадный жизненный опыт. Он родился 18 октября 1870 года в деревне Закуминской Каргопольского уезда Олонецкой губернии в бедной крестьянской семье. Тринадцати лет отправился в Петербург, в ученье к маляру. Лишь через пять лет пробился в подмастерья «живописно-малярного ремесла» и полтора десятилетия проработал в этом звании, отдавая все свободное время писательству. Однако первый рассказ был написан лишь в 1895 году. Д. В. Григорович, признав опыт молодого прозаика неудачным, увидел в нем ростки таланта интересного. Разговор с мастером гоголевской еще «натуральной школы» открыл начинающего писателя. Своим литературным учителем Чапыгин называл В. Г. Короленко, который бережно, но и критично наставлял молодого автора: лишь в 1903 году он дал «добро» на первую публикацию очерка «Зрячие», который появился в рождественском приложении газеты «Биржевые ведомости».

Рассказы А. Чапыгина о жизни петербургской бедноты, составившие впоследствии сборник «Нелюдимые», отличало прочное, на своей шкуре испытанное знание быта, характеров обитателей столичных трущоб, недавних крестьян, подавшихся в город с мечтою вырваться из беспросветной нужды. Стихийным был их уход в неласковый, жестокий Петербург, стихийным был их протест, когда рухнули последние надежды на сколько-нибудь сносное существование среди «черной громады городских домов», где фабричные трубы представляются человеку огромными метлами, которыми смерть «сметает в могилу людей».

Ярче, самобытнее раскрылся талант А. Чапыгина в рассказах сборника «По звериной тропе», повестях «Белый скит», «На Лебяжьих озерах». Здесь писатель обратился к своей родине – глухой северной деревне, затерявшейся в дремучих сказочных лесах. Рассказы и повести А. Чапыгина о деревне погружают читателя в стихию народной речи, сохранившей древние формы русского языка. В тех краях, где прошло детство писателя, еще неприкосновенны оставались обряды, предания седой старины, как о вчерашнем рассказывали деды о вольном городе Новгороде, о Змее Тугарине и Микеле Селяниновиче, о войнах Ивана Грозного и персидском походе Стеньки Разина. История мешалась с бытиной, сказкой, а XX век тихо, малозаметно еще подмывал устои домостроя. Мощные, богатырские характеры сламывались нищетой, их добывало патриархальное невежество, и лес, природа не спасали: в дореволюционных произведениях А. Чапыгина природа при всей своей красоте встает такой же мрачной силой, как и холодный, бездушный к слабому человеку город.

Дореволюционный период творчества А. Чапыгина был периодом интенсивного ученичества. Еще в 1900 году молодой писатель познакомился с теоретиком символизма Вячеславом Ивановым, участвовал в его литературных «средах», читал свои произведения в салонах законодателей литературных течений. Высокая культура кружков художественной интеллигенции, атмосфера требовательности к слову, царившая в них, многое дали вчерашнему подмастерью. В строгих анализах, в спорах о форме оттачивался эстетический вкус, обострялось чувство языка.

Правда, атмосфера пессимизма, разлившаяся по стране в годы реакции, мистические искания русских декадентов оказали свое влияние и на Чапыгина. А. М. Горький, с которым Чапыгин познакомился в 1915 году, высоко оценил повесть «Белый скит», прочитанную позже в рукописи «На Лебяжьих озерах», но отказался переиздавать написанную в мистических тонах повесть «Смертный зов», не напечатал созданную в том же духе повесть «Сувенир». С первого дня знакомства и до последних дней своей жизни А. М. Горький с пристальным и одновременно требовательным вниманием следил за развитием таланта А. Чапыгина и материально и духовно поддерживал одаренного писателя, пришедшего в литературу «из людей».

После Великой Октябрьской революции в творчестве А. Чапыгина наступает перелом. Сначала он активно помогает А. М. Горькому в деле организации новой, социалистической культуры, сотрудничает в журналах «Альбатрос», «Грядущее» и др. В 1919 году едет в Харьков, где по предложению А. М. Горького собирает материал о Киевской Руси. Здесь он получает широкий доступ к старинным русским летописям, в нем пробуждается азарт историка-исследователя, исторические замыслы рождаются один за другим. Чапыгин пишет драму «Гориславич» о князе-бунтаре, князе-изгое Олеге Святославиче языком древних литературных памятников. Драма осталась в рукописи, но А. Блок, прочитавший ее, высоко оценил работу автора.

В 1920 году А. Чапыгин отправляется на родину, и три года имя его не появляется в печати. Это был не творческий кризис: в сознании писателя, пережившего революцию, гражданскую войну, увидевшего громадное движение народных сил, шло интенсивное осмысление могучего исторического процесса. Накапливался новый материал: на глазах А. Чапыгина перестраивался тысячелетний уклад русской деревни. С 1923 года А. Чапыгин включается в литературную жизнь страны, в разных журналах публикуются его новые рассказы. Во второй половине 20-х годов А. Чапыгин создает большой труд, поставивший его в ряд основоположников советского исторического романа, – «Разин Степан» (1925—1927). Уже в первом историческом полотне А. П. Чапыгина раскрылись лучшие стороны его таланта: умение воссоздать в деталях быт далекой эпохи, ее сочный язык, воспроизвести, казалось бы, навеки утраченную атмосферу России XVII века; показать не только героев минувшего, а всю широту народной стихии. Здесь сказался богатый исторический опыт писателя, сына своего времени, и его с юных лет развивавшийся интерес к преданиям и легендам глубокой старины, и вкус к яркой народной речи.

Успех «Разина Степана» воодушевил автора на новый замысел, тесно связанный с первым романом, но гораздо обширнее и глубже. Тема русского бунта в XVII веке оказалась не исчерпанной в одном произведении, обнаружили новые ее пласты, обещающие немалые художественные открытия. С начала 30-х годов и до самой смерти А. П. Чапыгин работает над романом «Гулящие люди».

Как не раз бывало в русской литературе, художнику удалось первым увидеть, предугадать истину, обросшую предрассудками многовековой официальной исторической науки. А. Чапыгин разрушил, легенду о благостном и спокойном правлении Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим (1645—1676). В самом деле, на третий год воцарения Алексея Михайловича на престол вспыхнул Соляной бунт (1648), в 1662 году – Медный бунт, а спустя восемь лет разразилась

неслыханная Крестьянская война во главе со Степаном Разиным, постепенно складывались условия для «хованщины», стрелецкого бунта, разразившегося через шесть лет после смерти царя. Реформы Никона породили сложное, неоднозначное общественное движение – раскол. Изнурительные войны с Польшей (1654—1667) и Швецией (1656—1658), набеги крымских ханов на южные границы государства тоже не способствовали спокойствию царствования Тишайшего.

В своих исторических романах А. Чапыгин стремился показать не столько факт восстания, сколько историческую неизбежность его, постоянную готовность угнетенного, темного, бесправного народа к бунту, а царя и его окружение – к жесточайшей расправе над своими подданными. Поэтому в «Разине Степане» много места отдается описанию Соляного бунта, его условиям, предвосхитившим будущую Крестьянскую войну. Автор смело идет на нарушение документальной хроники героя, смещение событий, делая Разина участником событий 1648 года, и своеволие его художественно оправданно: концепция автора вырастает из всей образной системы романа.

В «Гулящих людях» автор свободнее и увереннее чувствует себя в мире летописных фактов. Уже обретен колоссальный опыт и своей работы, и работы современников – Юрия Тынянова, Алексея Толстого, Ольги Форш, Андрея Платонова. Создалась традиция советского исторического романа, опирающаяся на достижения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого.

Главный герой «Гулящих людей» – Сенька, стрелецкий сын, лицо вымышленное. Выбор героя из стрелецких детей не случаен: это позволяло автору вместе с героем проникать в общественные сферы, простому народу недоступные; к тому же стрельцы, несмотря на достаточно привилегированное положение, представляли собой массу неуравновешенную, в ней тоже исподволь заваривался бунт. В незавершенных планах А. Чапыгина предполагалось довести роман до стрелецкого восстания 1682 года. В то же время из среды стрельцов нередко выходили в разряд «гулящих людей», т. е. горожан, не прикрепленных к тяглу – налогу, которым облагалось посадское и торгово-ремесленное население.

«Гулящие люди» – термин юридический, но в романе А. Чапыгина он стал художественным образом, наполненным глубоким социально-историческим содержанием: это та среда, в недрах которой развивается, бурлит народное волнение, в которой тлеет искра восстания даже тогда, когда оно жесточайше подавлено, готовая вспыхнуть вновь с прежней силой. Из недр гулящих людей явился подстрекатель бунтов Тансий, наставник Сеньки. И сам Сенька, которого поначалу влекут больше обстоятельства, чем разум, формируется как сознательный борец за справедливость, организатор народного движения именно в этой социально неопределенной среде.

Следует, правда, отметить, что под влиянием собственной концепции А. Чапыгин заметно модернизировал идеологию бунтарей XVII века. По выходе романа в свет критика справедливо упрекала автора в том, что в Таисии наивный авантюризм сочетается с высказываниями о целях и тактике революционной борьбы, выработанными уже в ходе революций XX века. Едва ли достоверны и атеизм Сеньки, главного героя, его явно сознательные антимонархистские воззрения.

В целом же бунтарская среда, сподвижники Сеньки и Таисия изображены

точно, в духе своего, допетровского, времени. Предводитель разбойников с большой Ярославской дороги Ермилка восстает против помещика, обманувшего крестьян своей деревни и упивавшегося своей безнаказанностью. Богатыря Кирилку привели в стан бунтовщиков гонения правительства и официальной церкви на раскол. Чапыгин мастерски передает противоречия раскольнического движения: наивный религиозный консерватизм в сочетании с социальным, политическим протестом. Великолепен образ Домки, разбойничавшей сначала в пользу барина своего по его же наущению и обернувшей в конце концов оружие против угнетателей.

Лесное олонецкое детство не прошло даром для писателя. Сказочные, былин-ные, песенные богатыри, удалые добры молодцы, отдельными своими чертами проявлявшиеся еще в ранней прозе Алексея Чапыгина, развернулись в полную живописную мощь на страницах его исторических романов. Характеры их выписаны сочно, щедро, но и с несказочной достоверностью. Автор увидел и воссоздал их историческое время, с любовью целеустремленного знатока выписал детали их быта, яркую, самобытную речь.

В духе складывавшихся при его участии традиций советского исторического романа Чапыгин воссоздает исторические личности. В построении каждого исторического образа видна четкая и последовательная авторская позиция.

Своеобразна чапыгинская интерпретация царя Алексея Михайловича. В противовес легенде о кротости и благостности Тишайшего, кстати сказать, чело-века для своего времени образованного (он первым из русских царей самолично подписывал указы, редактировал, исправлял их), незаурядного политика, Чапы-гин убедительно, не обламывая характер под тенденцию, но, последовательно претворяя ее, изображает правителя ленивого и мнительного, трусливого и без-вольного, компенсирующего слабости характера коварством и жестокостью и по отношению к заподозренным в покушении на власть боярам, патриарху, и по отношению к народу. Здесь явно проглядывают черты далекого потомка, послед-ного из Романовых на русском престоле. Качества, малопривлекательные в обыкновенном человеке, оказавшиеся свойством главы государства, становятся источником потрясающих кровавых преступлений. Чапыгин, переживший дни после Кровавого воскресенья, хорошо знал цену таким качествам царского ха-рактера. Быть может, потому и удались ему с необычайной выразительной силой сцены расправы властей с участниками разинского восстания.

Пристрастный к характерам сильным, незаурядным, Чапыгин с большим мастерством исполнил образ патриарха Никона. В начале романа перед читателем предстает могущественнейший государственный деятель, главный советчик царя, организатор церковной реформы, успех которой разжигает властолюбивое тщеславие патриарха, он уже мечтает превзойти в Русском государстве и самого царя. Здесь-то и подстерегает Никона крах, перед собственной амбицией пасует глубокий, тонкий ум отца церкви, в конфликте с Алексеем Михайловичем, не теряющим соперничества, патриарх проигрывает. Но природная мощь этой ин-тереснейшей фигуры в нашей истории поднимается во всю силу в тех сценах романа, где появляется Никон, поверженный в опалу. Грозно звучат его проклятия царю и боярам, жалким в своем шутовстве перед монолитным достоинством унижаемого, но неуниженного Никона.

Рядом с Никоном в изображении А. Чапыгина заметно проигрывает его

идейный противник протопоп Аввакум. С ним в романе связываются отрицательные стороны раскольников: религиозный фанатизм, кликушество, консерватизм и невежество. Такая трактовка Аввакума вступает в очевидное противоречие с великолепным литературным памятником XVII века – «Житием» протопопа Аввакума Петрова. Писателем упущены многие яркие стороны личности вождя раскола. Впрочем, в романе место Аввакума скромно, он появляется лишь в двух эпизодах, в основном это «внесценический персонаж».

А. Чапыгин и не ставил перед собой цели рассказать историю раскола, для «Гулящих людей» эта тема посторонняя, но в жизни Русского государства той эпохи борьба вокруг церкви занимала одно из центральных мест. Поэтому следует вкратце восстановить основные события, связанные с ней, иначе многое в романе будет непонятно.

К середине XVII века русская православная церковь стала распадаться в силу больших различий в обрядовой практике, серьезных разночтений в богослужебных книгах, произошедших из-за слишком вольных переводов Ветхого и Нового заветов. В среде высшего духовенства и бояр образовался «Кружок ревнителей благочестия», к которому принадлежали протопопы Аввакум, упоминающийся в романе Даниил, Иван Неронов, а также боярин Ф. М. Ртищев, Никон и другие. Целью кружка было укрепление церковной организации, унификация обрядов, устранение разночтений и исправление богослужебных книг.

Однако среди членов кружка не было единства взглядов относительно путей, методов, окончательной цели реформы. Аввакум, Неронов и другие считали, что церковь должна хранить «древнее благочестие» и унификацию обрядов следует проводить, опираясь на древнерусские богослужебные книги. Окольничий Ф. М. Ртищев, духовник царя Стефан Вонифатьев, присоединившийся к ним тогда еще архимандрит Новоспасского монастыря, позже митрополит Новгородский Никон предлагали опираться на современные греческие источники. Уже тот факт, что сторонниками реформы были приближенные царя, говорит о ее политическом характере.

Реформированная церковь должна была стать мощным средством централизации Русского государства, объединить под эгидой московского патриарха православную русскую церковь и церковь Украины, укрепить связи с православными восточноевропейскими народами, находившимися под властью Турецкой империи. Так что инициатором церковной реформы был сам царь.

В 1652 году Никон (1605—1681) стал патриархом и уже с марта 1653 года начал при поддержке Алексея Михайловича осуществлять реформу: исправлялись по греческим образцам богослужебные книги, изменялись обряды (двоеперстие заменено троеперстием, «аллилуйя» возглашалась трижды, а не дважды, вместо семи просфор – просвирик – стало употребляться в богослужении пять и др.). Церковные соборы 1654—1655 годов одобрили нововведения.

Однако сторонники старого обряда во главе с Аввакумом не смирились с реформой. Протопоп Аввакум (1621-1-682) выступил с резкими проповедями против патриарха, был схвачен, бит и в 1653 году отправлен в ссылку в Сибирь. После падения Никона Аввакум был возвращен из ссылки, но в 1666 году неукротимый раскольник был расстрижен, посажен на цепь и через год отправлен в заполярный город Пустозерск, где и стал писать свои гневные «сказки», распространявшиеся по всей России. 14 апреля 1682 года Аввакум был сожжен.

Хотя споры о реформе носили сугубо схоластический характер, она вызвала широкое общественное движение. Вскоре после ее осуществления выявилось стремление Никона усилить власть патриарха, возвыситься над властью светской. Он стал именовать себя, как царь, «великим государем», в два с половиной раза увеличил патриаршие вотчины. Все это вызвало недовольство боярской верхушки и самого царя. В 1658 году Никон снял с себя патриарший сан, а в 1666 году осужден церковным собором и сослан в Белозерский монастырь. Однако и после падения Никона продолжались гонения сторонников «старой веры». Последователи Аввакума обнаружались во всех слоях русского общества. Раскол объединил всех недовольных: лишенное былых привилегий боярство, страдавшее от конкуренции с иноземными торговцами купечество, стрелецкое войско, значительная часть духовенства, особенно беднейшее, безместные, т. е. не имевшие приходов священники. Но большую часть староверов составляли посадские люди и крестьяне. Народные массы связывали усиление феодально-крепостнического гнета и ухудшение своего положения с нововведениями в церкви.

В «Гулящих людях» раскольнический фон повествования ярок и многокрасочен. Чапыгин по-разному относится к носителям этой своеобразной и неоднозначной идеологии. Симпатии автора явно не на стороне духовной и светской верхушки раскола: в этой среде он показывает мелкое интриганство одних и фанатичное мракобесие других. Обращаясь к бедноте, Чапыгин вскрывает политическую суть ее протеста, принявшего столь причудливые формы;

Выросший на русском Севере, Алексей Чапыгин прекрасно знал быт и нравы раскольников, сохранивших в целостности не только «древнее благочестие», а многие формы старинной жизни. Видимо, отсюда идет такое доскональное знание писателем мельчайших бытовых деталей, лишенных экзотики в его прозе.

Писатель свободно чувствует себя в атмосфере далекого XVII века, легко владеет его языком, наслаждается старой русской речью. Правда, сегодняшний читатель не без труда воспримет иные страницы «Гулящих людей». Это предвидел еще А. М. Горький, который советовал автору дать подстрочные примечания к тексту. А. Чапыгин исполнил совет Алексея Максимовича, но в дальнейших изданиях (уже посмертных) издатели значительно расширили словарь устаревших и диалектных (в основном северорусских) слов. В нашем издании словарь дается в конце книги.

Свой роман «Гулящие люди» А. Чапыгин печатал частями, по мере написания. Первая часть была опубликована в 1934 году в журнале «Литературный современник». Вторая и третья части печатались в журнале «Октябрь» с 1935 по 1937 год. Летом 1937 года публикация романа была завершена в журнале «Звезда». Готовя роман для издания книгой, А. Чапыгин внес немало изменений, учитывая замечания друзей и критики. В архиве Писателя сохранились два варианта конспектов окончания романа: его эпилог должен был происходить во время стрелецкого бунта 1682 года. Но написать эту часть Чапыгину было не суждено. 21 октября 1937 года он скончался и был похоронен в Ленинграде на Волковом кладбище.

А. П. Чапыгин, писатель, вышедший из глубин народной жизни, был одним из тех, кто создавал советскую литературу, закладывал и развивал традиции социалистического реализма. Без него непредставима наша литература 20-х и 30-

X ГОДОВ.

М. Холмогоров

Часть первая

Начало Сенькиной жизни

Сенька, стрелецкий сын, рос под материнской строгостью и заботой.

Рос парнишка не как все – тянулся не в ширину, высоту, а как-то вперед и назад. Иногда думали, что будет с горбом. Кости лопаток выдвигались гораздо вперед, оттого было холодно спине без запояски; если же Сенька опоясывался высоко, под грудями, то мать била его:

– Вяжи пояс по чреслам, противу того, как святые отцы запоясывались... не немчин ты, сын стрелецкий!

Сенька не знал, кто такие святые отцы, но уж не любил их и боялся: «А неравно как они к матке в гости придут?»

– Нелепые у тебя, парнишко, руки, ниже колен висят, персты тоже будто у матерого стрельца, – говорил Лазарь Палыч, ощупывая сына, особенно когда был старый стрелец во хмело, но про лицо белое, будто девичье, про кудри на голове Сеньки и глаза ничего худого не сказывал.

Сенькин отец, Лазарь Палыч, – пеший стрелец, белокафтанник Полтевского приказа¹, старший брат Сеньки – ездовой стрелец², и Сеньке по роду быть в стрельцах. Голова уж не раз говорил Лазарю, чтоб Сеньку записать в приказ, но Лазарь Палыч медлил. Сеньку часто тянуло утечи из дому, куда глаза глядят, oprичь того, что мать Секлетее Петровна за ленивую молитву была, а еще и потому, как тать Лазарь получал еду за караул в Кремле натурой, не вареную – Сенька носил к нему обед ежедень и стклянницу водки. Мать, отпуская Сеньку к отцу, наказывала:

– Хмельное пушай пьет с опаской!

Тать после еды делался добрее, тогда Сенька его спрашивал о татарских полах, он видал, как татаре, выходя от царя, за пазухи пихали дареные кубки и чаши:

– Тать, пошто поганым еще кубки дают?

Тать, оглянув посторонь, чтоб кого не было близ, сказывал:

– За те чаши с халатами вольность свою продают...

– Тать, а пошто поганых иным путем, да в другие ворота пушанют... не в те, отколь в Кремль заходили?

– Экой ты у меня зёркий, – а чтоб в Кремле были, да дороги прямой не ведали...

– А пошто их за городом держат? В город за караулом водят? – И боялся Сенька, тогда он пятился от татя.

Тать кричал на него:

– Пшол, дурак! Много знать будешь.

Сенька опасался и никогда татю не говорил, что, когда шел в Кремль с едой, на него насакивали посадские ребята скопом, навалом... Сенька их бил; иногда за них лез в драку кто большой, – Сенька и больших бил. Про драки Сенька матке Секлетее тоже не сказывал, боясь, думал: «Слушать в Кремль не будут».

Видал Сенька за городом, как послы татарские на коней скачут. Скочит поганой, подогнет ноги, стремена-то короткие, и с глаз долой – ни коня, ни всадника,